

ОТАН ТАРИХЫ ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛ

**Үш айда бір рет шығатын ғылыми журнал
2016, № 3 (75)**

С.К. Игибаев¹
¹ВКУ им. С. Аманжолова
г. Усть-Каменогорск, Казахстан

КАЗАХИ И НАРОДЫ СИБИРИ В СОЧИНЕНИИ И.Е. ФИШЕРА «СИБИРСКАЯ ИСТОРИЯ»

Аннотация

В данной статье, на основе труда И.С. Фишера, С.К. Игибаев рассматривает в источниковедческом аспекте вопросы истории Сибирского ханства, взаимоотношения народов, живших в северо-восточной части Азии в XVII в., военные столкновения казахов и джунгар в период правления Есим хана и Эрдэни-Батур хунтайджи, полководческий талант Жангир султана, а также религиозные верования народов Западной Сибири.

Ключевые слова: Керей, ногай, Тайбуга, Казачья Орда, Кучум, Алтын хан, кыргыз, Искер.

Иоган Ебергард Фишер (10 января 1697–13 сентября 1771 г.), российский историк, археолог немецкого происхождения, академик Петербургской академии наук, член исторического Геттингского собрания. В 1739 году был командирован императорской Академией в Сибирь для проведения исследования. Вернулся в Петербург через 9 лет. Профессор древностей и истории написал на немецком языке сочинение «Сибирская история». В нем автор подробно рассматривает открытие Сибири и ее завоевание российским оружием [1]. «Сибирская история» И.Е. Фишера содержит сведения о кара-китаях, моголах, бурятах, уйгурах, татарах, а также о казахских племенах и т.д.

По его мнению керей в период правления Унк-хана, а его настоящее имя было Тогрул, не придерживались христианской веры: «Ункъ есть китайское Уангъ, что значит князя первого класса; и сие наименование означает только честь, которую приобрел себе сей князь в награждение за одержанными над восставшими против китайцев татарами. Между тем сему не можно никак поверить, чтобы Унк-хан был духовною главою над христианами; ибо образ его жития ничем не отличался от других татар, и во всех его поступках не можно приметить ни малейшего следа христианской веры» [1, кн.1, с. 44].

И.Е. Фишер, на основе изучения летописей, произведения Абулгазы хана и других источников, рассматривает историю Сибири с XIII века до ее завоевания русским государством. На этой земле, по данным исследователя, жили кыпчаки, ногай, татары, казахи, башкиры и другие народы. Автор дает следующие сведения о ногайцах: «О ногайцах не имеем порядочной истории. По арабским и греческим писателям монгольский полководец, именем Ногай послан был от хана Кипчакского в конце 13 того века с войском в лежащие выше Черного моря земли, чтобъ покорить их Кипчакскому государству. Сей завоевав все земли, от Дона даже до Дуная, отложился после от государя своего хана Кипчакского и основал собственное государство, которое хотя с сыном его Джикою пропало, но имя названных по нем ногайцев велось после его ещё несколько сот лет, и весьма вероятно, что сей народ распространился от Волги до Яика, а от туда до Иртыша. Ибо в уезде города Уфы находится поныне, так называемая *ногайская дорога*, а у Иртыша есть страна, называемая ногайская степь. Они во времена уже россиян, будучи выгнаны калмаками из степей около Иртыша, Тобола и Яика, назад отступили. Некоторые из них находятся ещё в уезде города Астрахани; протчие пристали к кубанским и крымским татарам, с которыми ныне один народ составляют» [1, кн.1, с. 90-91].

Ногайские татары, – пишет И. Е. Фишер, – владели тогда степью при реке Яик, «и управляемы были мурзами Урусом и Газием, которые жили между собою в несогласии. Они в 1709 [1601] году отделились друг от друга, и Урусова сторона для будущего своего пребывания выбрала себе земли между реками Исетом и Миясом» [1, кн.2, с.241]. Это беспокоило тюменцев и туринцев, а татары, живущие в этих местах, «видя некоторую надежду к восстановлению погибшей вольности, опять ободрились, особливо как разнёсся слух, что Кучумовцы дети соединятся с ними. Но радость их была на сей раз тщетна; ибо намерение не произведено было в действо, и Кучумовы дети сами пришли между собою в несогласие.

§ 6. *Алей* старший сын Кучума-хана родился от матери простой породы. Напротив того *Канаева* мать была княжеского рода из Бухарии, для того его больше любили, как то действительно премногие из народа пристали к Канаю» [1, кн.2, с.241-243].

И.Е. Фишер утверждает, что мать Канаая была выходцем не из Бухарии, а из Саурана [Шаврана]: «Она была из города Шаврана, лежащего на северном берегу реки Сирта (Сырдарии – *И.С.*). Для сей причины [как повествуют Сибирские летописи] жители сего города поручали Канаю правительство над собою; но он не принял их предложения, опасаясь чтоб не изведать равного с своим отцом жребия: «Его, – говорил он, – шавринские жители так же избрав владельцем над собою, призвали к себе из земли калмаков: но едва он туда пришёл, как лишили они его жизни коварным образом».

Из сего видно, что имя Бухария берётся в весьма просторном, или, лучше сказать, не в собственном смысле. Выше ... сообщены три разные известия, куда Кучум-хан после побегу своего из Калмакской земли обратился: в первом объявляется, в Казачью орду; в другом, к ногайцам; в третьем, к Манхатам: но ни в котором не упоминается о Бухарии. Да и что бы делать Кучум-хану у бухарцев? Праотец его Шибани получил в наследство степи от *Уральских гор* вдоль *Яика до Сирта*, и потомки его жили в наследном своём уделе до времени Кучумовых. В протчем бухарские ханы прежде Кучума и после его довольно известны из Татарской истории, но в оной они при случае бухарских известий ни о Кучуме, ниже о его детях ничего не упоминается. Так же никогда не слышано, чтоб Бухария за Сирт простиралася. И так Шавран не бухарский, но Туркестанский город или ...город каракалпаков, которых Абулгазы-ханъ называет Манкатами, и которому в истории его одноземцев больше верю, нежели Сибирским повестям козаков, которые услышав однажды нечто о Бухарии, после по незнанию всё, что там с нею ни граничит, смешали под одним именем» [1, кн.2, с.242-243].

И.Е. Фишер нашёл в Сибирских летописях три известия о татарских князьях, владевших этим регионом до «Российского завоевания» [1, кн.1, с.90]. В первом известии говорится, что «за много лет прежде жил татарский князь или хан, именем *Онъ* ногайской породы у реки Ишима, которому подвластны были не токмо (не только – *И.С.*) у Иргыша, Тобола и Туры живущие татары, но и многие соседственные вогуличи и остяки». Против его восстал простой человек, именем *Чинги* и счастье ему столько послужило, что он победив своего государя, взял его в плен, удавил, и сам сел на его месте. По прошествии нескольких лет явился сын умершвлённого князя *Она*, именем *Тайбуга*, которого Чинги, приняв милостиво, поручил ему войско против живущих у реки Оби остяков, которых он усмирив, наложил на их дань. По возвращении его с победою и добычею, хан дозволил ему выбрать себе место, и жить там по своей воле. Тайбуга избрав себе жилище у реки Туры, где стоит ныне город Тюмень, построил там город, который в честь Чингия назван Чингидином. [Примеч. Татары в Тюмени старую крепость, также и самый город Тюмень называют Чинги или Чинги-Тура]. Там жил спокойно до глубокой старости а по смерти своей оставил татарские владения своим детям. О Чингии, или о потомках его более не упоминается.

Другое известие. § 79. В другом известии весьма кратко предлагается, что в *Кизил-Туре* (т.е. красном городе) на устье реки Ишима, владел хан Онсом: по нем следовал Иртышак, по имени которого названа великая река Иртыш: на него *Тюменский хан*, имени *Чингис* наступив войною, победил его. По нем владел у Ишима некто, именем *Саргачик*, от которого некоторые ещё ишимские татары прозвались саргачиками. В примечании §79 написано: Есть ещё деревня у Иртыша, шесть вёрст вниз от Тебдинского острогу, под именем Саргач-аул, и живущие в тамошних местах татара в яшашных книгах города Тары называются саргачкая волость.

§ 80. В третьем известии объявляется, что князь теперь так называемой *Казачей орды*, именем *Тайбуга*, сын хана *Мамика*, у великого монгольского хана Чингиса выпросил себе во владенье места у Иртыша, Ишима, Туры и Тобола, которых получив, оставил их в наследство своим потомкам. Третьему известию дано пояснение следующее: Оно сочинено в 1670 году тобольским воеводою Годуновым. В те времена из Сибири часто ходили татарские и бухарские караваны через калмацкие и монгольские степи в Китай и через них Годунов получил многие тогда еще новые и незнакомые известия о китайском государстве и о прежнем состоянии Сибири» [1, кн. I, с. 90-93].

И.Е. Фишер поясняет, что великий монгольский Чингиз-хан не был простым человеком, который восстав против государя своего, лишил его жизни и престола. Это противоречит истине, что он «был простой породы, однако многие были сего мнения, не токмо [не только] в отдалённых землях, но и между войском его простой народ тоже думал. Что сей же самый Чингис во время своего злополучия поруча себя в покровительство *Унк-хану*, служил ему; а после при перемене своего счастья победив его на главном сражении лишил престола; то сие столь известно, что не требует никаких дальших доказательств» [1, кн. I, с. 93-94].

Фишер, ссылаясь на Сибирские летописи, сообщает, что после смерти Тайбуги наследником сибирского престола стал его сын *Ходжа* и он «оставил по себе наследником сына своего *Мара*. Мар... имел в супружестве сестру Казанского хана Упака [Примеч. В Сибирских летописцах без разбору каждому даётся ханское достоинство. Упак не числится между казанскими царями. Он может быть был начальником только некоего поколения. По правилам Татарского правления такие начальники суть главнейшие члены государства, и каждый владеет в своём поколении почти полновластно. Однако они обязаны помогать в военные времена хану с своим войском]. Но от того сделался он несчастлив; ибо Упак наступя на зятя своего Мара войною, пленил его и с сыновьями его *Обдером* и *Ебалаком*, и занял сам в Сибири помянутую столицу Чингидин».

§ 83. От сего несчастливого поколения остались две младые отрасли, *Махмет* сын Обдера, и *Ебалаков* сын *Ангиш*. [Они] во время Упакова нашествия как малолетние дети скрыты и от некоторых верных татар содержаны и воспитаны были. Махмет пришед в возраст, нашёл средство и собрал силу, с которою разбил казанца, лишил его жизни, город Чингидин разорил, и на восточном берегу реки Иртыша выбрал себе жилище на высоком пригорке [это и есть Сибирь, бывшая столица татарских ханов в Сибири. Но она у татар не Сибирью называлась, но *Искером*].

§ 84. По смерти Махмета вступил во владение двоюродный его брат *Ангиш*. По нем принял правление Махметов сын *Касим*, после которого остались два сына, *Едигер* и *Бесбулат*. В то время пришед в Сибирь *Кучум*, сын Муртазин, породы славного Шибана-хана, из Казачьей орды, убил обеих княжеских братьев, и покорил себе всю землю. Один только *Сейдяк* Бегбулатов сын спасшись, убежал в Бухарию. Другие думают, что Кучум призван от чинов, а Сейдяк родился по смерти отца своего в Бухарии, где принят и содержан был от Сеида, в честь которого он назывался Сейдяком. [Примеч. Сеидь на арабском языке значит благородный: все Магометово потомство, и все граждане в Мекке называются сеидами].

§ 85. Сколь далеко власть хана Кучума в Сибири простиралась, не по всем местам точно показать можно. Татары около Иртыша и Тобола без всякого сомнения его подданные. О татарах в степи Барабинской не сумненно сказать можно. Но подвластны ли были Кучуму татары у рек Туры и Исета сомнительно по тому, что по объявлению Сибирской летописи власть его простиралась только до устья реки Туры, и татары около Тарханского острогу были последние, которые платили дань хану; а в Тюмени во время завоевания россиянами Сибири владел независимый от Кучума князь. Это объявление некоторым образом тем подтверждается, что при нападении Ермака татары у Туринска и Тюмени сами собою без ведома Кучумова войну с ним имели. ...О остяках и вогуличах должно говорить с различием: живущие ближе к татарам конечно служили Кучуму; а другие, особливо вогуличи в Верхотурском, Пельымском и Березовском уезде ...дальнего расстояния ему подвластны не были» [1, кн.1, с.94-96].

По мнению И.Е. Фишера идолопоклонникам Сибири давно была известна исламская вера. Ревнителю мусульманской веры распространяли ее еще до Кучума, применяя даже силу. Поэтому, рассуждал И.Е. Фишер, сибирские вельможи, сторонники этого вероисповедания, возможно, добровольно избрали Кучума государем: «86. Кучум утвердил первый махOMETанскую веру в Сибири. Хотя правда прежде его ревнителю о сей вере приходили уже туда, твердо уповаю склонить их идолопоклонников к принятию их закона тем скорее, понеже они одним с ними языком говорили; однако большая их часть за исповедание своей веры вкусила смерть. Но вероятно, что их труды при обращении не вовсе бесплодны были; ибо, если то правда, что сибирские чины добровольно избирали себе государем Кучума, о котором заподлинно знали, что он *махOMETанин*, то из сего следует, что они должны были уже в себе ощущать склонность к сей вере» [1, кн.1, с.96].

Кучум при утверждении махOMETанской веры, встретив сопротивление язычников, просил у отца Муртазы помощи. Он поддержал его, отправив к Кучуму старшего своего сына Ахмет-Гирея, духовенство. «87. едва Кучум утвердился на престоле, как начал уже обращать в свою веру. Но что обыкновенно бывает при всяком принуждении в веру, тоже самое и здесь случилось, что подданные отрицались принять его закон. Понеже Кучум видел себя не в состоянии исполнить намерение свое силою, то просил у отца своего Муртазы помощи, который немедленно послал к нему старшего своего сына Ахмет-Гирея, а с ним одного Агуна (т.е. настоятеля духовенства) и множество муллов (т.е. священников) и *Абыссов*, (т.е. школьных учителей по вероисповеданию); а чтоб дело обращения тем с большим успехом производилось, то присоединил довольно число военной силы. Тогда сделалось, что настоящие добровольно обречься, силою к тому принуждены, а упорно отрицающиеся на смерть осуждены были» [1, кн.1, с.97].

Народы, живущие отдельно от центра Сибирского ханства и говорящие на других языках, мало имели представления об исламской вере: «§ 88. Однако хан не успел произвести в действие насилий своих по всей своей области; ибо самые отдаленные народы, по вступлении туда россиян, держались еще прежнего своего идолопоклонства. Между ими были татары аялы на устье реки Тары, татары в Лебауцких юртах между Тобольским и Демьянским и живущие в уезде города Туринска, татары у реки Нишцы, которые еще в 1639 году пребывали в идолопоклонстве, и жители степи Барабинской» [1.-97].

И.Е. Фишер отмечает, что в сибирских городах «Тобольске, Тюмени, Туринске, Таре и Томске находится много бухарских фамилий. Некоторые думают, что они пришли туда с Кучумом; однако Кучум был не бухар, но степной казах между реками Яиком и Сиртом» [1, кн.1, с.98].

Во второй книге «Сибирской истории...» И.Е. Фишер излагает военные действия и переговоры российского правительства с наследниками хана Кучума и их союзниками, с ногайцами, калмыками и т.д.

Кучум хан, потерпев поражение от Тарского воеводы князя Ивана Мосальского, ушел с немногими служителями «к калмакам, живущим у Нор-Зайсана. Сыновья его, которых было не мало, препровождая на постоянное и беглое житье в степях и в верхних местах рек Ишима, Иртыша и Тобола, чинили набеги свои до Яика, и в уезд города Уфы. ...Татара [татары] и прочие сибирские народы почитали их за законных наследников той земли, и если бы хотя однажды российскому оружию приключилось неблагополучие, то без сомнения многие бы на их сторону преклонились, и трудно бы было рассеять их сообщество» [1, кн.2, с. 240].

В Сибирской истории приводятся имена сыновей Кучум хана: Алей, Ишим, Канай, Азим, Кубей-Мурат, Канчупара, Девлет-Гирей.

И.Е. Фишер сообщает, что некоторые принцы из рода Кучума были задержаны и отправлены в Москву: «В 7108 [1600] году четыре сына Кучум-хана, Алей, Канай, Азим и Кубей-Мурат пребывали у озера Чебаркула, имея при себе 250 человек беглых татар и башкирцов. Уже повелено было отправить против их из Тобольска и Тюмени некоторое число козаков, как пришли от них в Тобольск послы, которые именем князей поддавались Российской державе. Вскоре потом прислали они и младшего брата Кубей-Мурата в помянутый город, дабы видеть, как поступлено будет с ним, и на каких договорах принять их в подданство намерены. Но он послан в Москву, и другой Кучумов сын Ишим, который в Уфе предал себя в царское покровительство, принужден был скоро потом следовать туда же» [1, кн.2, с. 240-241].

Российская администрация хотела, чтобы оставшиеся сыновья Кучума и внуки сами пришли в Тюмень и приняли российское подданство. Представители Уфы «действительно нашли обоих князей Каная и Азима в редком лесу между реками Аbugoю и Ишимом со 150 человеками. На предложение депутатов князя ответствовали только..., что когда посланные в Москву их братья назад возвратятся, тогда они обстоятельнее объявят свое мнение. Но... братья их назад не бывали, то скоро после того князя объявили себя явными неприятелями России, и готовились к возможному решению к войне, причем ногайцы и калмаки чинили им всякое вспоможение» [1, кн.2, с. 241].

Алей в 1601 году, после смерти своего отца стал «называться ханом» и пробыл в этом достоинстве до своей смерти [1, кн.2, с.243].

И. Фишер отрицает связь Кучум хана с Бухарией.

Сын Кучума Ишим, рожденный от другой жены Кучума, «по смерти брата своего Алея принял на себя ханский титул. В 7124 [1616] году жил он между калмаками около Семи Палат» [1, кн.2, с. 278]. В 1618 году российское войско под предводительством А.В. Воронцова, имевшего дворянский чин стряпчего, разбило ополчение Ишима и калмыков в степи между Иртышом и Тоболом.

И.Е. Фишер описал приход к китайскому престолу маньчжурской династии: § 31 ...«Манжурь вступили оставленный бунтовщиками столичный город Пекин, а хан их следовал за главным войском с остальными своими силами; но не дошед до Пекина умер. Таким образом сын его Ши-дзу, имея шесть лет от рождения своего, в 1644 году возведен был на Китайский престол, и ему или наипаче его правлению дано было имя Ши-дчи. Он основал Манжурское владетельное поколение, которое до ныне еще владеет в Китае, под именем Тан-тзинг» [1, кн.2, с.337].

В § 32 И.Е. Фишер сообщает о беспокойствах монголов, кыргызов и сибирских народов в связи с переменой в Китае: «Тогда как Тьен-тзонг подступил с войском под Пекин, то разнесся о сем слух сперва между монголами и киргизами, откуда далее распространяясь, прошел к татарам Кузнецкого и Красноярского уездов. Повсюду разглашали страшные вести; сказывали, что Манжурский хан намерен по взятии Китая покорить себе монгалов: *Алтын хан* в великом страхе находится, чтоб не потерять вольности своей; он оставя степи свои, начал уже действительно перебираться к киргизам (имеется в виду енисейских кыргызов – *И.С.*), так же Российским границам предстоит не меньшая опасность» [1,кн.2, с.337-338].

В работе И.Е. Фишера приводятся сведения о наступлении джунгар в XVII веке на российские крепости и города. Потомки Кучума также нападали на российские деревни, занимаясь разбоями. Так, в 1632 году принц Аблай, Ишимов сын, Кучумов внук, имея 30 человек, вступив в Тюменский уезд, разорил лежащую близ устья реки Исети татарскую деревню Алибай, и большую часть жителей с женами и с детьми увел с собою в неволю [1, кн.4, с. 420]. Аблай, продолжая грабеж, в 1635 году у реки Исети увел двадцать четыре семьи из татар, а затем у реки Нишцы зажег слободы верхнюю Ницинскую и Чубарову. Но в следующем, 1636 году он присоединился к калмыкам, остановившимся у вершины реки Уфы, на десять дней пути от города того же названия. Уфимский воевода Никита Вельяминов, имея 600 человек воинов, состоящих из россиян и башкирцев, приказал напасть на калмыков. Они были разбиты. Аблай попался в плен, доставлен в Уфу, а после сослан в Москву, где умер в заключении [1, кн.4, с.421].

Другой кучумовский принц Девлет-Кирей, по утверждению И.Е. Фишера, причинил россиянам больше вреда. Девлет-Кирей, учитывая соотношение сил, хотел принять российское подданство. В 1637 году послал он посольство в Тару с предложением «о совершенном покорении себя державе Его царского величества, объявляя при том, что для сего дела отправлен также посол в Москву через Уфу. Тарские воеводы не смели решить столь важного дела, но послали в Тобольск, требуя на то наказа. Тобольский воевода по получении сего известия велел объявить послу, что если князь его твердо намерен покориться, то был бы сам в Тобольске с находящимися при нем переметчиками: в противном случае от Девлет-Кирея впредь не будут принимать послов» [1, кн.4, с.422]. Российские чиновники грубо обращались с послом. Эти поступки, по мнению И.Е. Фишера, «нарочито жестоки, которые конечно с здоровою политикою не весьма сходствовали» [1, кн.4, с.423]. Девлет-Кирей в 1640 г., осадив Тарханский острог, лежащий на восточной стороне реки Тобола, недалеко от устья реки Тары, вместе с калмыками, но когда услышал, что из Тюмени идет помощь, он поспешно ушел, ограбив соседние деревни.

Кроме Девлет-Кирея нападали на российские деревни, волости и другие кучумовские князья: Абугай, сын Ишима, Кучук, сын Аблая, умершего в Москве. В 1659 году Абугай, Кучук при поддержке калмыцких тайшей Лузана, сына Урлука и Эшкева напали на Барабинскую степь и разорили пять волостей, «и уведены больше 700 душ обоюга пола со всем их имением» [1, кн.4, с.428]. Барабинцы, не дожидаясь подкрепления, при помощи небольшого числа казаков из Тары, напали «на калмыков, поселившихся при озере Чане» и в первом же бою «пятьдесят калмыков порубили, а прочих с женами и детьми увели в неволю» [1, кн.4, с. 429-430].

Батур тайша устанавливает с Россией мирные отношения, принуждает калмыцких и кучумовских князей вернуть российских военнопленных и запрещает вторжение в российские пределы: «§ 27. ...Калмаки и кучумовские принцы в 1650 году увели из Барабы больше 700 человек в неволю. В следующем году некоторые из них ...освобождены, по представительству сыновьев умершего *Контаиши Багатира*. Они к главным Лоузану и Эшкеву также и к Кучумовским принцам отправили послов, повелевая объявить им с сильными угрозами, чтобы они освободили всех барабинских пленников, и отпустили их назад в их жилища.

Но не должно думать, чтоб толь строгое требование Контаишских принцов учинено было в угождение россиянам. Никак, они имели собственную свою пользу; ибо как отец их в несколько лет пред тем взял дань с барабинцев, то не хотели они терпеть, чтоб число мнимых их подданных сократилось, и доходы их от того уменьшились» [1, кн.4, с.431-432].

И.Е. Фишер показал, что в период образования и укрепления Джунгарского государства Каракула и его сын Батур проводят миролюбивую политику с Россией, обеспечивая безопасность своего ханства: «Тайша Каракулай из колена

Джунгарского [Зенгорского] был первый, который стараясь о самодержавстве, чрез покорение некоторых соседственных князей положил к тому твердое основание. Сын его и наследник Багатирь тайша в 1635 году привел сие важное дело в совершенство, и с того времени приказал называть себя Контаишею, т.е. великим *Тайшею*, или великим Князем. Сначала жил он мирно с россиянами и чрез разные услуги старался снискать себе их дружбу, дабы не довольно еще утвержденной своей власти не опровергнуть; чего ради Зенгула тайшу, который чинил против барабинцев неприятельские действия, не токмо (не только – *И.С.*) выгнал из соседства своего, но и собственному своему наместнику по сию сторону Алтайских гор Куле тайше (Примеч. Он стоял в степи между Обью и Иртышом на 14 почти дней езды от Тары), который без ведома Государя своего учиняя нападение на уезд города Тары, увел с собою несколько татарских семей, запретил делать такие наглости. И как в 1628 году несколько татарских переметчиков из уезда города Тары, особливо барабинцы пристали к его подданным, то приказал он искать их, и сто семей из них, так же тысячу лошадей отослать в Тару, а в награждение за сию услугу выговорил он себе, чтоб россияне не наступали на его и на его улусы войною, и от других неприятельских действий воздерживались бы» [1, кн.4, с.434], а также «Контаиша добровольно обещался и впредь всех беглецов из Российского государства в своих улусах искать и выдавать: так же повсягодно дозволенную из озера *Ямьшева* соль возить на приходящие из Тобольска суда на своих верблюдах; и наконец россиянам помогать на войнах. Это предложение правительством Тобольским с охотою принято, которое в 1636 году отправило еще сына боярского Томилу Петрова послом, и ему велено было взаимно обнадежить Контаишу, что в нужном случае равномерно будут ему помогать против его неприятелей: но при том требовано еще, чтоб Контаиша подданным своим не велел жить в принадлежащих к российским землям волостях, и вывел бы их на прежние их жилища, иначе не можно никоим образом воспрепятствовать, чтоб между обеими сторонами не происходили ссоры и несогласия; так же чтоб Контаиша удерживал и прочих тайшей от причинения всяких обид. На все Контаиша охотно склоняясь, обещался угождать россиянам во всем, что непротивно справедливости, но при том и дал знать, что за услуги свои требует лучших подарков, нежели какие поныне из Тобольска присланы были» [1, кн.4, с.435].

Российское государство согласилось: «Барабинцы кроме даваемой России дани, принуждены были ежегодно по несколько платить и калмакам» [1, кн.4, с.442].

Российский посол, казак Григорий Ильин, отправленный с письмом джунгарскому хану в 1643 году, не застал хунтайджи в его Улусе-Урге. «Он тогда был в походе против киргизских кайсаков» [1, кн.4, с.442].

И.Е. Фишер одним из первых сообщает о победе казахского Жангир султана над превосходящими силами джунгарского хунтайджи. «§ 13. О вышеобъявленном калмакском походе против киргизских кайсаков, которых называют и *казахьею ордою*, а иногда *туркестанцами*, надлежит ведать, что Контаиша Багатирь (Батур – *И.С.*) еще в 1635 году вступил в войну с Ишимом ханом Туркестанским [Примеч. Сей Ишим хан есть самый тот, у которого Абул-Газы во время бедствия своего искал себе убежище]. Сын его Янгир Султан повелевал тогда киргиз-кайсацким войском и по несчастью попался калмыкам в руки пленником. Но незнамо каким случаем освободясь, не преставал беспокоивать калмаков частыми своими набегами. Багатирь контаиша, желая освободиться вдруг от сего тягостного неприятеля, в означенном 1643 году при помощи друзей своих собрал войско из пятьдесят тысяч человек состоящее, и с самого начала овладел двумя провинциями или народами, Алать киргизским, которых до десяти тысяч человек считалось. Янгир султан в скорости не мог собрать больше шести сот человек, но знал употреблять их с выгодой; ибо одной половине из них приказал окопаться шанцами в узком проходе между горами, а с другою скрылся за гору, пока калмаки пришед обступят шанцы в

узком проходе. И как он думал, так и сделалось: Контаиша наступил на шанцы, из которых храбро оборонялись; а между тем Янгир султан напал на неприятеля с тылу, и винтовками своими произвел между ими такое поражение, что с неприятельской стороны до десяти тысяч человек на месте пало. В то же время другой татарский князь Ялантуш (Жалантос, казах – *И.С.*) пришел на помощь Янгиру султану с двадцатью тысячами человек. Сие побудило Контаишу отступить назад; однако удержал пленников, взятых им в сию войну, и увел их с собою в свои земли.

§ 14. В сию войну Контаише помогли два таиша из орды Хошотской, а именно Учурту и Аблай, которых отец Гузи хан жил прежде сего в земле Коконорской [Синее озеро]. По выходе их оттуда, Учурту понял (взял – *И.С.*) в супружество Контаишину дочь, и поселился около озера Зайсанского, а Аблай жил по сю сторону реки Иртыша, где ныне еще видны остатки построенного им каменного монастыря под именем Аблай Кита, т.е. Аблаев монастырь. Контаиша охотно желал привлечь на свою сторону другого таишу Кунделена, и просил его, чтоб он пошел с ними обще против киргизских кайсаков; но Кунделен таиша отказав ему в том, предъявил, что с Янгиром султаном живет в дружбе, который назвался его сыном.

Контаиша хотел мстить за то Кунделену: и понеже он следующею весною намерялся еще идти против Янгира султана, то скоро по возвращении своем из первого похода послал гонца к тестю своему таише Урлуку с письмом, в котором просил, чтобы Урлук в то время, как он, Контаиша, нападет на Янгир султана, наступил на таишу Кунделена. А как гонец на дороге должен был проезжать мимо жилищ Кунделена таиши, то перехватили его с письмом, и так намерение открылось и отвращено» [1, кн.4, с.443-446].

По данным Ильина Контаиша стоял около новопостроенного своего города Кубик Зара, а при отъезде Ильина улус находился у реки Имиля [Или]. В конце 1643 года вместе с Ильиным отправились от Контаиши два посла – Долги Чанбаев и Ургудай, которые привезли с собою грамоту от своего государя к царю Михаилу Федоровичу. В Тобольске грамота была переведена с татарского языка на русский. Калмыцкие послы не были отправлены в Москву.

Эрдэни-Батур-Хунтайджи (1635-1654) был недоволен, что его послы не были допущены к российскому правителю. В конце 1643 года прибыл в ставку Батура из Тобольска посол Владимир Кляпиков. Хунтайджи (по И.Е. Фишеру – Контаиша) принял его «нарочито неласково, и не исполнил по тому, чего он именем своих начальников требовал. Напротив чего возобновил прежние свои жалобы и неотступно требовал, чтоб содержащиеся в плену в Томске и Кузнецке киргизы (енисейские, красноярские, абаканские кыргызы – *И.С.*) и керзагалы освобождены были, а в противном случае угрожал войною» [1, кн.4, с.449].

И.Е. Фишер сообщает о нападении кыргызов на российские крепости: «на города Кузнецк и Красноярск паки (снова – *И.С.*) напали киргизы, и со крестьянами в их жилищах и татарскими волостями по прежнему поступали; при чем город Красноярск наиболее пострадал» [1, кн.4, с.476].

В свою очередь, кыргызы, потеряв веру в Алтын хана монгольского, в защите от своих врагов, «избрали дружбу Контаиши, и Бехтеней: один из князей их, поехав к нему в 1636 году с некоторыми еще другими знатными киргизами, предался в его защиту, и привел в совершенство условия, по которым они впредь за калмакских подданных почитаемы быть хотели» [1, кн.4, с.478].

Сведения о Сибирском ханстве И.Е. Фишера получили подтверждения в трудах Н.М. Карамзина (1766-1826). «Сибирь, – утверждал Карамзин, – платила нам дань: около 1563 года князь ея, Шибанский Царевич Едигер, убил там нашего данщика; за что государь оставил в Москве посла Сибирского, но скоро освободил его из уважения и ходатайству Исмаила, ногайского владетеля, и в 1569 году торжественным договором с новым Сибирским царем Кучумом утвердил сию

землю в подданстве России. Иоанн взял Кучума под свою руку, в оберегание, с условием, чтобы он давал ему ежегодно тысячу соболей, а Посланнику Государеву, который придет за данью, тысячу белок. Боярский сын Третьяк, Чабуков (в 1571 году) отвез в Сибирь жалованную Иоаннову грамоту, украшенную златою печатью [2, с. 78].

А.И. Левшин (1797-1879) солидарен с мнением И.Е. Фишера: Кучум, последний хан сибирский, был казах. «Завладев Искером силою оружия, и убиением царствовавших в нем князей Ядигяра и Бекболата, он необходимо должен был иметь около себя и войско, составленное из прежних соотечественников его, без всякого сомнения, сражались с казаками» [3, с.156]. А.И. Левшин, предполагал, что возможно часть казахских ханов и султанов, возможно, происходила от Шейбани: «Абулгасы Багадур доказывает, что Кучум Сибирский был потомок Шейбани, внука Чингисова, но Кучум, как известно, был султан Киргиз-Казачий, следовательно, не мудрено, что и прочие ханы и султаны Киргиз-Казачьих орд происходят от Шейбани» [3, с.163].

В.В. Кирьянов высказал мнение, что по мере ослабления Золотой Орды внутренними смутами, из нее выделилось несколько самостоятельных царств: Казанское, Астраханское, Крымское. «Часть Киргиз-Кайсацкой орды осела в Сибири на реке Оби, по соседству с Югрией» [4, с.13].

Таким образом, в сочинении И.Е. Фишера «Сибирская история» или «История Сибири» имеются весьма ценные материалы по истории казахов и народов Сибири XVI-XVIII веков. Сведения о Сибирском ханстве И.Е. Фишера находят подтверждения в трудах Н.М. Карамзина. А.И. Левшин, солидаризуясь с мнением И.Е. Фишера, утверждал, что хан Кучум был выходцем из Казахской Орды.

Список использованной литературы

- 1 Фишер И.Е. Сибирская история. – Санкт-Петербург, 1774. – 631 с.
- 2 Карамзин Н.М. История государства Российского. Переиздание. – М.: Книга, 1989. – кн.3. – 365 с.
- 3 Левшин А.И. Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких, орд и степей. Переиздание. – Алматы, «Санат», 1996. – 656 с.
- 4 Кирьянов В.В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибири (в связи с историей заселения Сибири). – Москва, 1902.

References

- 1 Fisher I.E. Sibirskaya istoriya. – Sankt-Peterburg, 1774. – 631 s.
- 2 Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. Pereizdanie. – M., 1989. – kn.3. – 365 s.
- 3 Levshin A.I. Opisanie Kirgiz-Kazach'yih, ili Kirgiz-Kaisatskih, ord i stepey. Pereizdanie. – Almaty: «Sanat», 1996. – 656 s.
- 4 Kir'yanov V.V. Ocherki po istorii pereselencheskogo dvizheniya v Sibir' (v svyazi s istoriey zaseleniya Sibiri). – Moskva, 1902.